

Лангин Олег Николаевич

Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..." "

Я, Лангин О. Н. - инженер-химик, проработал в различных организациях Ленинграда 35 лет, пройдя путь от лаборанта до начальника лаборатории, родился в г. Ленинграде в 1938 году, "Житель Блокадного Ленинграда". Женился в 1959 году, живу с женой в любви и согласии уже 55-тый год, вырастили двоих детей, возделывали сад, огород; увлекался спортом, рыбалкой, последнее время интернетом.

БЛОКАДА - БОЛЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

До войны мы жили в деревянном доме, на окраине города, в котором всего было восемь квартир и, конечно, все друг друга хорошо знали, и была как бы единая семья. Дом находился недалеко от железнодорожной станции "Удельная".

Дом, похожий на тот, в котором я жил

С одной стороны нашей улицы (Костромской проспект) был Удельнинский парк, с другой-лесопарк "Сосновка". Моя мать любила гулять со мной в "Сосновке", т.к. это было высокое место с вековыми соснами.

Парк" Сосновка"

До войны мать не работала, её муж (мой отец) работал инженером и хорошо зарабатывал, что позволяло матери заниматься воспитанием детей, и у нас была счастливая, хорошая семья.

Когда началась война, отец ушёл на фронт, откуда не вернулся, а мать пошла учиться и закончила курсы медсестёр. Работала мать на военном заводе, в здравпункте, ходила на работу через "Сосновку."

Осенью 1941 года в "Сосновке" появился фронтовой аэродром. Его строительство здесь было связано с тем, что с началом блокады, Ленинград потерял все крупные аэродромы, поэтому срочно потребовались новые аэродромы для базирования военной авиации. Уже в первые дни 1942 года на построенный аэродром садились грузовые самолёты с продовольствием для населения и фронта. В задачу истребительной авиации входило сопровождение наших бомбардировщиков и штурмовиков, охрана Ленинградского неба от налётов вражеской авиации и защита неба над "Дорогой Жизни". Аэродром в "Сосновке" не раз подвергался налётам самолётов противника и артиллерийским обстрелам.

Недалеко от взлётно-посадочной полосы аэродрома в "Сосновке" в годы войны возникло военное кладбище, где хоронили погибших лётчиков и солдат-защитников из располагавшихся тут же частей и соединений.

Мемориальное военное кладбище

После войны кладбище стало мемориальным, а у северной границы бывшего фронтового аэродрома, в середине взлётно-посадочной полосы, был открыт памятник "Защитникам Ленинградского Неба".

Памятник Защитникам Ленинградского Неба

Так как мать работала на заводе рядом с "Сосновкой", то нередко и ей приходилось идти на работу во время бомбёжки. Как рассказывала мать, частенько она брала меня с собой на работу, т.к. меня не с кем было оставить, тем более, что тогда, приходилось работать часто по две, а то и по три смены подряд.

Однажды, когда мать шла со мной на работу, недалеко от нас был сильный взрыв, грохот от разорвавшейся бомбы. Через несколько дней мать заметила, что я перестал говорить, и хотя, через какое-то время, я и заговорил, но стал сильно заикаться. Врачи сказали, что это логоневроз, который случился в результате стресса, вероятно, от грохота разорвавшейся бомбы. Лечить тогда этот недуг, конечно, никто не стал, просто было не до того, а мне этот "подарок" достался на всю оставшуюся жизнь.

В июле 1942 года вышел приказ об эвакуации детей, оставшихся без родителей, из Ленинграда. Так как мать была военнообязанной, ей приказали с группой таких детей (и, конечно, со мной) эвакуироваться из Ленинграда. Нас на автобусах отвезли на Финляндский вокзал, посадили на поезд до станции Ладожское озеро, а потом на небольших судах ночью доставили на другой берег Ладоги. Потом была железная дорога, теплушки, и долгий путь до Урала (Челябинская обл.) Там мать работала в детском доме до 1944 года. В 1944 году мать отозвали обратно в Ленинград, и мы возвратились в свой старый дом.

Жизнь тогда в городе была тяжёлая для всех Ленинградцев. Как я помню, меня поразили особенно два момента. Первый: недалеко от нашего дома была баня, в которую мы ходили с мальчишками мыться каждую неделю. Вместе с нами мылись мужчины, кто без ноги, кто без руки - жуткое впечатление. Второй: на нашей улице пленные немцы строили дома-коттеджи из шлакобетона. Мы мальчишки бегали смотреть на них, какие же они были жалкие, худые, плохо одетые, голодные, некоторые люди подкармливали их. Правда, скоро их не стало, вероятно, их отправили домой.

В доме, в котором мы жили, у нас была угловая комната на первом этаже, и зимой было очень холодно. Дрова тогда выдавали по ордеру и, конечно, их не хватало. Хорошо хоть то, что мы жили рядом со станцией "Удельная", где паровозы заправлялись водой и углём. Мы ходили на станцию и подбирали уголь,

просыпавшийся при загрузке, и потом его добавляли в печку к дровам. Готовила мать, чаще всего, в той же печке на углях. Конечно, у нас была и керосинка, но, с керосином была проблема. Керосиновая лавка находилась от нас далеко и надо было выстаивать очередь, что было тяжело, особенно, зимой.

С продовольствием тоже было тяжело, поэтому работающим ленинградцам стали выдавать земельные участки для выращивания на них картошки. И, снова судьба свела нас с парком "Сосновка". Мать получила участок на краю парка.

Когда мы возвратились из эвакуации домой, то на чердаке нашего дома нашли старенький самокат, который нам очень пригодился. Мало было вырастить картошку, её надо было ещё и привезти с огорода домой. Полмешка картошки мы ставили на самокат, привязывали его к раме и везли домой. Так делали несколько рейсов. Затем, часть картошки оставляли на текущую еду, а другую часть закапывали до весны (на еду и на посадку). Под окнами нашего дома был чей-то огород и мы на нём вырывали глубокую яму и закладывали в неё картошку. Сверху ямы делали холм из земли, чтобы картошка не замёрзла. Зимы в то время были значительно холоднее, чем нынешние и поэтому бывало, что картошка подмерзала. И всё же, несмотря, на такое нелёгкое время, надо отметить, что люди были доброжелательные и отзывчивые, что характерно было для ленинградцев того времени.

В 1946 году я пошёл в школу. Учиться мне было трудно, друзей у меня не было и я постоянно (в виду заикания) чувствовал себя неполноценным человеком.

Когда пришёл призывной возраст (служить в армии) медкомиссия военкомата выдала мне "белый билет", что, конечно, для меня было шоком, т.к. в то время, каждый молодой человек, хотел служить в армии и "белый билет" давали только при сильнейшем заболевании. Конечно, мать пыталась меня лечить, но тогда не было эффективной методики лечения заикания. Лечили тогда, как правило, методом разговора на "распев", что в камерных условиях может что-то и давало, но в реальной жизни эффект был нулевым. И только в 60-х годах прошлого столетия появилась методика лечения заикания методом гипноза, которая позволила частично снять стресс, который случился в блокаду, но всё равно полного выздоровления не произошло. И хотя я, впоследствии закончил

институт и довольно успешно работал на различных инженерных должностях, но всё равно, мой недуг, случившийся в блокаду, преследует меня всю жизнь. К, сожалению, людям которые не прошли через это, трудно понять, чего это стоит в реальной жизни.

В заключение, я хочу пожелать молодому поколению, чтобы они никогда не знали, что такое война, блокада и её ужасные последствия.

16.09.2013-25.11.2013